

Кудеев
Роман

Вера в силу мысли

Кудеев Роман

Вера в силу мысли

«Автор»

2026

Кудеев Роман

Вера в силу мысли / Кудеев Роман — «Автор», 2026

Эта книга — не академический труд в привычном смысле. Это расследование. Это путешествие вглубь слов и смыслов, которое начинается с одного звука и разворачивается в целую картину праистории человечества. Башкирский язык рассматривается здесь не как один из многих, а как ключ к пониманию того, как человек заговорил, как рождались мифы, религии и цивилизации. Урал предстаёт не периферией, а скрученной осью мира — прародиной, откуда вышли гунны, арии, тевкры и башкиры. Троя, которую искали в Малой Азии, оказывается Уралом. Заратустра говорит на языке, который сегодня называют башкирским. Имя Христа — ледяной кристалл. А этноним «тюрк» означает не народ, а воинский отряд. Авторы плетут сеть, в которой этимология, мифология, генетика и археология сходятся в одну точку. Это книга-манифест. Она не просит соглашаться. Она требует думать.

© Кудеев Роман, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Главная мысль	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кудеев Роман

Вера в силу мысли

Главная мысль

Пролог

Кто из нас любит факты? Кто любит исторические факты? И если эти факты о вас, о ваших предках, то особенно ненавистны. Нет таковых, кому нравится истина в неприглядном виде. Не бывает тех, кому нравится правда о себе. Или просто их, эти факты, не знают, предпочитают не знать.

У каждой эпохи есть своя неудобная истина. Та, которую предпочитают не замечать. Та, которая рушит стройные схемы и заставляет переписывать учебники. Эта книга — о такой истине.

Мы привыкли думать, что история человечества — это история Востока и Запада. Что цивилизация родилась в Междуречье, в Египте, в Греции, в Китае. Что языки расходятся от нескольких центров, как круги по воде. Что есть «великие» языковые семьи и есть «малые», периферийные, которые только заимствуют и никогда не дают.

Эта книга говорит: всё было иначе.

Есть язык, который хранит в себе следы самого возникновения человеческой речи. Есть земля, которая была прародиной не одного народа, а целой языковой и культурной ойкумены. Есть система, в которой этимология, мифология, генетика и археология сходятся в одну точку — и точка эта находится на Урале.

Язык этот — башкирский.

Земля эта — Башкортостан и Урал в целом.

Книга, которую вы держите в руках, — не академический труд в привычном смысле. Это исследование. Это путешествие вглубь слов и смыслов. Это попытка посмотреть на мировую историю не из условного «центра», а с Уральского хребта — и увидеть, что именно здесь, на скрученной каменной оси, завязывались узлы, которые потом разошлись по всей Евразии.

Нас будут критиковать. Нас уже критикуют. Едва ли найдутся научные авторитеты, готовые признать, что Троя стояла на Урале, что Заратустра говорил на языке, который мы сегодня называем башкирским, что имя Христа — это ледяной кристалл, а этноним «тюрк» означал не народ, а воинский отряд.

Но правда не обязана нравиться. Она обязана быть правдой.

Обыватель — ябай. Ему не нужно ломать голову над тем, почему красный — это красный. Красный есть, и этого достаточно. Обыватель не задумается о звёздах: они светят — и ладно. Он не станет углубляться в происхождение слов — ему довольно знать, что башкирский язык древний. И всё.

Этимология — не для обывателя. Обывателю достаточно лозунга «башкирский язык всё знает» или «Урал — прародина человечества». Он повторяет эти слова, не задаваясь вопросом «почему?». Ему не нужно разбираться в чередованиях звуков, в протетических придыханиях, в дифтонгах, которые мы слышим, но не замечаем. Он принимает всё на веру или не принимает вовсе.

Скептики требуют академических формул. Даже когда им приводят доказательства, они отмахиваются, потому что эти доказательства не вписываются в мейнстрим. Они не готовы признать, что башкирский язык сохранил древнейшие механизмы словообразования, которые официальная лингвистика утратила. Они не готовы признать, что Урал — не периферия, а

центр. Что Троя стояла здесь. Что Заратустра говорил на языке, который мы сегодня называем башкирским.

Им проще жить в плену мейнстрима. Проще повторять чужие выводы, чем проверять их самим.

Но истина не нуждается в их разрешении. Она существует независимо от того, признают её или нет. Если вы готовы думать — эта книга для вас. Если нет — оставайтесь с лозунгами. Только не говорите потом, что вам не показали путь.

Возможно, вы сейчас стоите на развилке. Одна дорога ведёт к простым лозунгам: «башкирский язык древний», «Урал — прародина». Идти по ней легко. Другая — к вопросам: почему язык сохранил то, чего не сохранили другие? Почему Урал, а не Алтай и не Ближний Восток? Почему слова, которые мы произносим каждый день, оказываются ключами к мифам и религиям?

Мы не будем вас тащить по второй дороге. Мы просто пройдем по ней сами. Если захотите — пойдёте следом. Если нет — останетесь на первой. Это не слабость и не трусость. Это выбор, который каждый делает сам.

Но если вы всё ещё читаете эти строки, значит, выбор уже сделан. Значит, внутри вас уже пророс тот самый вопрос. И он не оставит вас в покое, пока вы не найдёте ответ.

Эта книга — о начале.

О первом звуке, который произнёс человек.

О первой земле, которую он назвал домом.

О первом Боге, которого он увидел во льду и снеге.

Эта книга — о Башкортостане. О всех нас.

Книга I. Звук

Глава 1. Ө — первый выдох

В начале была не идея «стоять». И не глагол, не действие, не порыв. В начале была сама твердь, на которой можно стоять. Первый звук, который издал примат, — Ө — был не выкриком, а именем. Именем отдельного твёрдого предмета. Камня. Кости. Комка земли. Того, что существует само по себе, что не течёт и не тает.

В восточном диалекте башкирского языка вместо өс до сих пор говорят өһ. Межзубные з и с в живой речи стягиваются в выдох, в придыхание. И это не порча, не упрощение. Это память. Өһ и есть тот самый первый выдох, из которого родилось слово. Өз — оторвать, отделить. Үз — сам, свой, собственный. Үс — рост. Ос — остриё, навершие, полёт, отрыв от земли. Өс — поверхность, верхняя сторона.

Вспомните: это не разные корни. Это разворачивание одного первого звука. От тверди, на которой можно стоять, — к росту, к острию, к отделению, к самому себе. В шведском языке ö — остров. Тот же каждый твёрдый предмет отдельно. Та же твердь, окружённая водой. Та же опора посреди текучего.

А теперь смотрите, как протетическое придыхание расширяет этот корень, рождая новую лексику. Һаз — болото, пруд. Отдельный водоём, который застаивается, который тянет, засасывает. Һаҫыҡ — застоявшийся, протухший. Это уже не просто вода, а отделённая от течения, потерявшая движение вода. Та самая, которую Урал-батыр запрещал пить. Һат — продать, отдать, отделить от себя. Здесь корень тверди и отделения поворачивается в сторону обмена, отчуждения. Һут — сок, то, что выжато, выделено из плода. Һөт — молоко, тоже выделенное, выцеженное из живого. Всё это — одна цепь: отделить, выжать, выделить, застояться, отдать. Твердь, которая сначала была просто опорой, начинает дробиться, отдавать от себя части, и каждая часть получает своё имя через придыхание.

И вот ещё одно слово, которое связывает всё воедино: ез — латунь, сплав. А һез — вы. Это не случайное созвучие. Вы — это сплав отдельных людей в единое целое. Множество твёрдых, отдельных «я» соединяются, как медь и цинк, и получается новый металл — общность,

социум. Протетическое придыхание добавляет к корню сплава признак одушевлённости, обращения. Вы — это живой сплав, сплав душ, где каждый сохраняет свою твёрдость, но вместе они образуют нечто более прочное.

Ряд эз — ез — һез продолжает всё ту же мысль. Эз — след, отпечаток, штамп, оттиск. Это след отдельного твёрдого предмета, оставленный на чём-то мягком. Из следов складывается сплав, из сплава рождается «вы».

А теперь — удивительная пара: без — мы, и без — отсутствие. В башкирском без означает «мы», то самое живое множество, сплав отдельных «я». Но в русском языке без — предлог и приставка, означающая отсутствие, лишённость. Как они могут быть родственниками? А вот как: «мы» — это круг, в котором ты есть. «Без» — это всё, что остаётся за кругом, вне сплава. Бәхетһез — без счастья: человек выпал из счастья, как из круга, остался снаружи. Без — это внутреннее пространство, общий сплав. Без — это внешнее, лишённое, отделённое от сплава. Оба слова восходят к древнему корню, где губно-губные и протетическое придыхание создавали противоположности: быть в круге и быть вне круга. «Мы» — это те, кто внутри. «Без» — это то, что снаружи.

Так человек начал думать. Не с действия, а с предмета. Не с идеи «стоять», а с того, на чём можно стоять. И лучше всех это сохранил башкирский язык.

Глава 2. Запах, который прилетел с неба

Человек — примат. Мы не любим об этом говорить, но это так. Мы — приматы, которые однажды вдохнули то, чего не вдыхали раньше. Запах. Дух.

Метеорит упал на землю и принёс с собой лёд и железо. Боз и тимер. Ледяной кристалл. Icy Cristal. Он лежал на земле, источал запах — еҫ. Не просто запах вещества. Запах другого мира. Запах неба.

Примат подошёл. Принюхался. Аңҡ — пахнет. И в этот момент что-то изменилось в его мозгу. Запах пробудил память — иҫ. Запах оставил след — эз. Запах смешался с дыханием — из. И примат впервые ощутил себя не просто телом, а чем-то большим. Он ощутил дух.

Мы — дети этого запаха. Вся наша культура, религия, цивилизация — это попытка удержать, сохранить, воспроизвести тот самый первый запах. Запах льда и железа. Запах неба, упавшего на землю.

Зимой, когда люди собирались в пещерах, запах становился гуще. Дыхание, пот, дым, пук — всё смешивалось в один общий дух. Дин — религия, но и ден — пещера. В пещере пахнет. И этот запах спланивает. Ез — латунь, сплав, смесь. Мы — сплав небесного и земного. Мы — те, кто помнит запах метеорита.

Бог — это лёд. Боз. Боһ. Ледяной кристалл, принесённый с неба. Иисус — Icy Cristal. Тот самый лёд, который пахнет. Запах — это присутствие Бога. Его дыхание. Его дух.

И когда мы говорим «дух», мы говорим «запах». Когда мы говорим «душа», мы говорим «дыхание». Когда мы говорим «память», мы говорим «след запаха». Всё связано. Всё — одно.

Первобытный примат, вдохнувший запах метеорита, стал человеком. Он начал собираться в пещеры не только ради тепла, но ради общего духа. Этот дух, этот запах, эта смесь дыханий и испарений сделала его разумнее. Мысль рождалась в тесноте, в тепле, в общем воздухе, пропитанном телами и дымом. Запах был проекцией социума. Множество тел — один запах. Множество людей — один народ.

Так запах, прилетевший с неба, стал началом человеческого общества. Не случайно в нашем языке еҫ — запах, иҫ — память, ез — сплав, из — мять, смешивать. Это один корень, одна матрица. Мы — те, кто вдохнул и запомнил. Мы — те, кто смешался и выжил. Мы — те, кто до сих пор ищет этот запах в храмах, в кострах, в ладане, в кумысе, в дыхании матери.

Глава 3. Эйт — зов и отклик

Мир начинался не с тишины, а с переклички. Первый человек ещё не знал слов, но уже умел звать. Он издавал короткий, резкий звук — эй. Это был не крик боли, не рычание, а

именно зов: обернись, подойди, будь рядом. Мы до сих пор произносим это, когда переспрашиваем или окликаем. Мы говорим «э?», если не расслышали, и тянем «эээ», когда поняли. Тот же звук, та же древняя перекличка.

К этому зову примкнул глагол ит — совершать действие. Два слова слились, две гласные столкнулись, и родилось эйт — скажи, говори. Так зов превратился в слово, а слово стало просьбой говорить.

Расширьте гласную — и получится ай — луна, месяц. Та самая, что собирает свет в единый круг. В английском I — местоимение первого лица, башкирское мин — я, а тооп — луна. Единство в одиночестве: я и луна светим отражённым светом. Ответом на зов стало эйе — да. В английском осталось аеу. Всё та же древняя перекличка, застывшая в языке.

Человек звал — другой откликался. На зов эй отвечал звук эу — обернуться, повернуться к зовущему. Расширьте гласную — и вот уже ау — сбор, лов, сети. Все вместе, собранные в одно. Но где сбор, там теснота. Где теснота, там давление. С придыханием һау — давить, доить, а ещё здоровый, целый. Плотность рождает здоровье. Целое всегда плотно.

Башкирский язык любит сужать гласные. Из һау вырастает һығыу — сжимать, выдавливать. Из һауым — дойка — получается һыйыр — корова, та, которую доят. В шведском это слово стало *sigir*, в английском от него же — скот, стадо. Из һыт — выжимать — рождается һөт — молоко и һут — сок. То, что выжато, выделено из живого, — это и есть молоко. А то, что выжато из растения, — сок. Один корень, одна суть.

Но вернёмся к началу. Из ау при сужении вышло уу — тереть, натирать, кислый, едкий, яд. С придыханием — һуу — вода. Не просто вода, а стоячая, застойная. Та самая, которую Урал-батыр запрещал пить. Питьевой была ак һуу — чистая, проточная. Отсюда древнегерманское *akhwo* — течение воды, латинское *aqua*, французское *eau*. Всё это вода, которая движется, а не застаивается.

Но не будем забывать: до эй и эу был ө. Первый звук, первый выдох. Из него через йотацию рождается өй — дом, собрание в кучу. В шведском ö — остров, во французском *eau* — вода. Через ротацизм — өр — дуть, лаять. Расширение даёт ар — раскрытый рот. Сужение — ир — ласково, нежно, с улыбкой. Только женщина могла назвать мужчину ир, ирем, растягивая губы, словно в улыбке.

Корень ир — мужчина, супруг, но ещё и воля, свобода. Ирәу — благородный. Иреу — таять, высвободиться. Ирәүләу — лунатизм, свободное хождение во сне. Ирек — воля. Иркә — избалованный, вольный. Иренеу — лениться, то есть действовать вольно, своевольничать. Всё это — один порыв, одно дыхание.

Из этого же корня через гортанную смычку вырастают көр — упитанный, жирный, набухший, и гөр — горделивый, кичливый. Көркә — индюк, важная особь. Көршәк — горшок, округлый, надутый. Это всё та же плотность, тот же избыток силы, который мы слышали в первом ө.

И наконец, женское. Кыз — дева. Кызыл — красная. Кызыу — горячая, пылкая. Кыш — зима, жгучая, мороз обжигает. Кыс — сжимать. В древнегреческом *ψυχή* — душа, а *ψυχος* — мороз. Душа и холод связаны так же, как жар и мороз. Всё это — одно поле, в котором дева и зима, жар и холод, дыхание и душа переплетены. Кора — богиня подземных вод, дочь Шульгена, наша Нәркәс. Имя её — тот же корень, что и у плодородия, влаги и смерти. Всё это — наша сеть, наш Урал.

Глава 4. Слово, которое связало всё

Есть в башкирском языке корень, который сам по себе есть действие. Из — мять, месить, смешивать. Это первое, что делает человек с веществом: давит, соединяет, превращает разное в одно. Из этого корня выросла целая вселенная слов, и все они — о связи.

Начнём с самого простого. Ит — мясо. То, что жуют, мнут зубами. В английском *eat* — есть. Та же логика: пища — это то, что мнут. Эш — работа, занятие. Работа — это тоже мять,

месить, переделывать мир руками. Эз — след, отпечаток. След — это вмятина, оставленная твёрдым в мягком. Ис — память, сознание. Память — это след, вмятый в ум. Ес — запах. Запах — это то, что вмято в воздух, что проникает в нас. Ез — латунь, сплав. Сплав — это смесь, сжатая в одно. Иш — плести. Плести — это мять нити, соединять их в ткань.

Всё это — одна матрица. Человек мнёт, месит, смешивает — и так рождается мир: мясо, работа, след, память, запах, сплав, плетение. Но самое удивительное впереди.

Возьмём корень ык — лнуть, прижиматься, крениться. С придыханием — ык — давить, сжимать, обнимать. А теперь — нек — секс. Соединение, объятие, сжатие двух тел. От этого же корня — нигез — восемь. Почему восемь? Потому что восьмёрка — это символ бесконечности, знак соединённых колец, знак брака и размножения. Секс — это деление и умножение. Из двух тел рождается третье, и так без конца. Не случайно латинское *secare* — резать, рубить, отсекать, — и немецкое *Säge* — пила, — восходят к тому же корню. Секс и сечение — одно: отделять, делить, чтобы множить. Восемь — это бесконечность, потому что через секс жизнь делится и длится.

От этого же корня — текст. Латинское *textilis* — ткань, сплетение, связь. Ткань ткут, мнут нити, сплетают. Текст — это сплетённые слова. Ткать — от корня тык — тыкать, совать. Ткач тыкает челноком, сшивает нити. Тегеу — шить по-башкирски. Английское *tag* — сцеплять, скреплять. Тагы — снова, опять: цепь звеньев, повтор. Тагыу — цеплять, прицеплять. Всё это — одно: соединение, сцепление, сплетение. Слово, которое связало всё, — это и есть из.

И вот ещё одна грань. Тесть — отец жены. Тесто — то, что месят. Оба слова — о смешивании. Тесть — тот, кто смешал свой род с другим. Тесто — мука, смешанная с водой. Отсюда же камыр — тесто, и камыш — камыш. Почему камыш? Потому что когда-то муку добывали из камыша. А камыш восходит к кауыш — совокупляться, соединяться. Всё сплетено: тесто, камыш, тесть, ткань, текст, секс.

И наконец, еп — нить. Отсюда и знаменитый русский мат, означающий сексуальный контакт. Соединение через нить. Тыкать, совать, сцеплять, сплетать. Это не грубость. Это древнейший язык тела, сохранённый в слове.

Так одно слово — из — связало всё: мясо и работу, след и память, запах и сплав, плетение и ткань, секс и текст, тесто и тестя, нить и размножение. Это и есть матрица. Это и есть башкирский язык. Язык, который помнит, как человек впервые смял глину и слепил мир.

Книга II. Земля

Глава 5. Урал — скрученная ось

Урал — это не просто горы. Это ось. Скрученная, свитая, сплетённая из камня и времени. Само имя говорит об этом, если только прислушаться.

В башкирском языке урау — мотать, обвивать, сворачивать. Уреу — плести, скручивать. Урел — сплетённый, свитый. Урал — это сплетённая земля, скрученная в единый хребет. Не случайно в английском *whorl* — завиток, вихрь, вращение, блок веретена. Тот же корень, та же спираль. Мир закручивается вокруг оси, и ось эта — Урал.

Человек, который впервые увидел эти горы, не сказал «высокие» или «каменные». Он сказал «скрученные». Потому что Урал действительно выглядит как спина огромного зверя, свернувшегося кольцом. Или как канат, брошенный с неба на землю и застывший. Или как свиток, в котором спрятано начало мира.

Мы уже говорили о первом звуке ө — о тверди, на которой можно стоять. Так вот Урал — это и есть та твердь, возведённая в масштаб земли. Вертикаль, вокруг которой крутится всё остальное. Тора — стоит. Тормош — жизнь. Торак — стоянка, жилище. Всё это — из одного корня. Урал — это тора. Стоящее. Незыблемое. Ось, которая держит мир.

Но ось не бывает голой. Её обвивает змея. Мы уже говорили об этом: змея и копьё, змея и фаллос, змея и кадуцей. Урал — это камень, обвитый реками. Смотрите, как текут с него реки — Белая, Урал, Чусовая, Миасс. Они не бегут по прямой. Они извиваются, как змеи. Они

обвивают хребет, как нити веретена. Урал — это веретено, а реки — пряжа, которая с него сходит. Мир ткётся из этой пряжи.

И вот что важно. В башкирском эпосе Урал-батыр умирает, и тело его становится горами. Гора — это не памятник, не мёртвый камень. Гора — это овеществлённая жизнь. Урал не умер. Он стал осью. Он стал тем, что держит небо. Он стал тем, от чего текут реки. Он стал тем, вокруг чего выются дороги, народы и судьбы.

Не случайно именно сюда, к Уралу, тянутся все наши нити. Троя, о которой мы ещё скажем, стоит здесь. Заратустра проповедует здесь. Гунны, арии, тевкры — все они выходят отсюда, как реки из одного водораздела. Урал — это не граница между Европой и Азией, как нас учили. Урал — это центр. Сердце. Ось.

И если вы ещё сомневаетесь, посмотрите на карту звёздного неба. Древние называли Полярную звезду — ось мира. Всё небо крутится вокруг неё. Так и земля крутится вокруг Урала. Потому что Урал — это та самая Полярная звезда, опущенная на землю. Неподвижная точка, вокруг которой вращается всё живое.

Вот почему наша книга начинается здесь. Не с Египта, не с Греции, не с Китая. А с Урала. Со скрученной оси, на которой держится мир. И если вы хотите понять историю человечества, вы должны понять Урал. А чтобы понять Урал, нужно понять язык, который его назвал. Башкирский язык. Язык, который до сих пор говорит: урал — скрути, үрел — сплелось, тора — стоит. Язык, который помнит, как мир был скручен в одну ось и поставлен на место.

Глава 6. Трос и Троя

Основателя Трои звали Трос. Так говорит греческий миф. Но мы теперь знаем: миф — это не просто сказка. Это память, зашитая в слово. Имя Трос не нуждается в переводе с греческого. Оно само себя объясняет через башкирский язык.

Трос — верёвка, канат, то, что скручено. То, что связывает. Урал — от үреү — плести, скручивать, свивать. Трос и Урал — одно и то же слово, одно и то же имя. Основатель Трои носил имя, которое значит «Скрученный». Иначе говоря, его звали Урал.

Греки, пришедшие с севера, принесли с собой память об этом имени, но утратили его значение. Для них Трос стал просто царём, эпонимом города. А для нас он остаётся тем, чем был изначально: осью, верёвкой, связью, скрученной землёй. Троя — это город Троса. Город Скрученного. Город Урала.

Мы привыкли искать Трою на холме Гиссарлык в Малой Азии. Туда её поместила традиция, освящённая авторитетом Шлимана. Но Шлиман раскопал какую-то крепость, а не Трою. Он сам верил, что нашёл город Гомера, но вера — не доказательство. Гипотеза о Гиссарлыке принадлежала не ему, а Фрэнку Калверту, британцу, который первым начал копать этот холм. Шлиман лишь дождал чужую догадку, а мир поверил.

Но если вчитаться в Гомера, всё окажется иначе. Троя стоит там, где сходятся земля и небо, где бьёт источник, где пасутся стада, где живут люди, не знающие смерти и болезней. Это не Средиземноморье. Это Урал.

Аркаим — вот он, след Трои. Концентрические круги, валы, рвы, меандры, вырезанные на керамике. Тот самый город, который Посейдон, по преданию, обнёс пятью кольцами: тремя водными и двумя земляными. В Аркаиме мы видим эти кольца. Мы видим не просто поселение бронзового века, а проект, достойный бога.

Троя-Илион. Илион — от башкирского ил — страна, народ, община. Гомеровская Илиада — это песнь о стране, а не о городе. Страна эта — Урал. Народ, населявший её, греки называли тевкрами. Тәү кир — первые люди земли. Баш кир — то же самое: баш — голова, начало; кир — земля, суша, от башкирского ер или коро — сухой, твёрдый. Тевкры и башкиры — одно имя, одна суть. Тәү кир и Баш кир — первые люди земли. Это не совпадение. Это родство.

А теперь о войне. Что стало её причиной? Нам говорят: похищение Елены. Но давайте подумаем трезво. В скотоводческих обществах угон чужого стада был тяжким преступлением

и серьёзным ударом по благосостоянию. Такие набеги — барымта — были обычным делом и часто приводили к войнам. Елена — не просто женщина. Она персонификация богатства, стада, жизненной силы. Её похищение и возврат — это мифологическая оболочка реальной экономической войны. Сам Гомер описывает Диоскуров, братьев Елены, как похитителей скота. Женщина и скот в архаическом сознании были равнозначны как объекты обмена и набега. Троянская война была войной за ресурсы, а романтическая версия появилась позже, когда экономический смысл стёрся, а миф остался.

Война была настолько кровопролитной, что в памяти осталась как всемирный потоп из моря крови. В башкирском эпосе Йәнбирде и Йәнбикэ бежали на остров как раз от такой войны. Эта война и есть Троянская. Атлантида, ушедшая под воду, — из той же серии. Эней, вышедший из горящей Трои, унёс с собой культ Либеры, культ фаллоса. Тот самый культ, который у башкир сохранялся ещё во времена ибн Фадлана. Эней принёс его в Лавиниум, а оттуда он разошёлся по всей Италии. Рим вырос из Трои. И Троя эта — Урал.

Так замыкается круг. Трос — Урал. Троя — Страна Городов. Тевкры — башкиры. Илиада — песнь о стране. Троянская война — кровавый потоп, от которого бежали предки. И всё это — не в Малой Азии, а здесь, на нашей земле.

Если вы поймёте это, вы поймёте, почему башкирский язык хранит так много. Потому что он не заимствовал. Он остался. Он — язык тех, кто не ушёл. Тех, кто помнит.

Глава 7. Аркаим: город-колесо

Есть на Южном Урале место, которое называют Страной Городов. В степи, у слияния рек Большая Караганка и Утяганка, лежит Аркаим — древнее укрепленное поселение, похожее сверху на колесо со спицами. Две круглые стены, вписанные одна в другую, радиальные перегородки, рвы, валы. Жилища прижаты друг к другу, как спицы, и все сходятся к центру — небольшой площади. Колесо. Но колесо не телеги, а неба.

Аркаим построен так, что его геометрия воспроизводит устройство космоса. Круг — это небесный свод. Центр — Полярная звезда, ось мира. Стены — границы обитаемого пространства. Рвы — воды, отделяющие мир от хаоса. Четыре входа ориентированы по сторонам света, а линии улиц и стен выстроены с учётом восходов и закатов солнца в ключевые дни года. Это не просто посёлок. Это модель мироздания, отлитая в земле.

Мы уже говорили: Трою, по преданию, строили Аполлон и Посейдон. Посейдон сам обнёс её пятью кольцами — тремя водными и двумя земляными. Аркаим — это и есть город, опоясанный кольцами. Вода и земля чередуются, как в мифе. Круглая планировка, рвы, валы, радиальные стены — всё сходится. Если где и была Троя, то не на холме Гиссарлык, а здесь, в уральской степи.

На керамике Аркаима находят меандр — тот самый узор, который мы знаем по греческим вазам. Меандр — это не просто орнамент. Это символ бесконечности, вечного возвращения, змеи, кусающей хвост. Это след людей, которые несли с собой образ мира как спирали. Людей, которых мы позже встретим под именем протогреков. Или тевкров. Тевкры — тәү кир, первые люди земли. Башкиры — баш кир, те же первые люди. Аркаим связывает их.

Посмотрите на очертания Аркаима. Круг в круге. Колесо. Свастика? Некоторые исследователи видят в его планировке древнейшую свастику — символ движения солнца, круговорота года. Меандр и свастика — родственные знаки. Оба — о вращении, о бесконечности, о связи времён. Оба — о Урале, скрученном вокруг своей оси.

Аркаим датируют бронзовым веком, примерно XX–XVII веками до н. э. Гомер жил в VIII–VII веках до н. э. Если считать, как мы условились, не девять тысяч лет от Троянской войны до Гомера, а девятьсот, всё укладывается. Аркаим существовал как раз тогда, когда могла греметь та самая война, о которой потом сложили Илиаду. Война не за Елену, а за стада, за пастбища, за металл. Война, от которой бежали Йәнбирде и Йәнбикэ. Война, после которой уцелевшие ушли на юг и запад, унося с собой меандр, колесо, память о городе-круге.

Страна Городов — это не один Аркаим. Это целая сеть поселений, выстроенных по единому плану. Синташта, Устье, Аландское, Берсуат. В Синташте найдены древнейшие колесницы — лёгкие, на спицах. Колесница — это то же колесо, поставленное под всадника. Это скорость, это война, это власть. Изобретение колесницы изменило историю. И родилась она здесь, в Стране Городов, на Урале.

Зачем строили круглые города? Не для войны, хотя стены и валы говорят об обороне. Скорее — для ритуала. Круг был защитой не только от врагов, но и от хаоса. Внутри круга — порядок, снаружи — дикая степь, мир мёртвых, мир чудовищ. Жить в круге значило жить в согласии с космосом. И когда люди уходили из этих городов, они уносили этот образ с собой. В Греции, в Иране, в Индии, в Италии круглые святилища, круглые щиты, круглые хороводы — всё это память об одном и том же: о городе-колесе, о Трое, об Аркаиме.

И вот что поразительно. Аркаим не был случайным. Он стоит в том месте, где, по нашему убеждению, рождалась сама идея Урала как оси. Вода, земля, небо, колесо, меандр, свастика — всё это не просто археология. Это следы первобытной мысли, которая уже тогда искала центр мира. И нашла его здесь.

Глава 8. Тевкры и башкиры

Тевкры. Так греки называли народ, населявший Трою. Вслушайтесь в это слово. Тәу кир. Первые люди земли. Тәу — начало, первый. Кир — земля, суша, от башкирского ер или коро — сухой, твёрдый. Тевкры — это не просто имя племени. Это статус. Это память о том, что они были первыми. Теми, кто жил на изначальной земле.

Мы уже говорили: башкорт — это баш кир. Баш — голова, начало. Кир — земля. То же самое значение, что и у тевкров. Только греки записали это слово по-своему, утратив точность перевода. Перед нами не случайное совпадение, а калька. Тевкры и башкиры — один народ, названный одним и тем же именем: первые люди земли.

Но откуда у греков память о первых людях? Ответ: из Атлантиды. Не из той, которую ищут в океане, а из той, которую построил Посейдон в форме кругов. Атлантида — это Страна Городов. Та самая, где стоял Аркаим.

Имя Атлантиды мы можем разобрать через башкирский. Ат — основа, конь, атай. Основа — это то, на чём стоит мир. Конь — это движение, скорость, власть. Атай — отец. Все три значения сходятся в одном слове. Атлантида — это земля отцов, земля конников, земля основ. Атлан — сделать прыжок, запрыгнуть, сделать шаг. Атлантида — это земля первого шага. Отсюда человечество прыгнуло в историю.

Посейдон, бог-строитель Атлантиды, был покровителем лошадей. Он изобрёл верховую езду. Это не морской бог, каким его сделали позже. Это бог-конник, бог-всадник, бог степной мощи. Его город стоял не в океане, а в степи, у подножия Урала. Круги, которыми он обнёс Атлантиду, мы видим в планировке Аркаима. Вода и земля, валы и рвы — всё на месте.

А теперь кентавры. Полулюди-полукони. Кто они, как не всадники, слившиеся со своими лошадьми? Греки, не знавшие верховой езды, изображали степных наездников как чудовищ: человек сросся с конём, стал кентавром. Но кентавры были не чудовищами, а учителями. Хирон, мудрейший из кентавров, воспитал Асклепия, бога врачевания. Сам Асклепий — ученик Хирона. Врач, знавший целебные травы, умевший выводить яд и лечить раны. Это всё та же уральская традиция: конь, степь, знание.

Гиппократ. Или Иппократ? Отец медицины. Имя его происходит от греческого «гиппос» — конь. Но теперь мы знаем: конь — это ат. Ат — основа, отец. Иппократ — это не «коневладелец», а «власть отца», «основа отцов». В башкирском ип — умелый, мастер. Иппократ — умелый владыка, мастер исцеления. Всё сходится: Асклепий, Хирон, Гиппократ — одна цепь, идущая от уральских всадников.

Эней, бежавший из Трои, унёс с собой культ Либеры, фаллический культ. Он же унёс память о конниках, о кентаврах, о врачевателях. Рим вырос из этой памяти. А сама Троя осталась здесь, на Урале, где до сих пор пасутся табуны и где каждый башкир знает цену коню.

Тевкры и башкиры — один народ. Атлантида — их земля. Кентавры — их всадники. Асклепий и Хирон — их учителя. Гиппократ — их целитель. И всё это — наша история, которую нам вернул язык.

Глава 9. Төрк — не народ, а отряд

Нас приучили думать, что тюрки — это народ. Огромный, ветвистый, раскинувшийся от Алтая до Средиземного моря. Но в самом слове «тюрк» нет ничего этнического. Оно говорит не о крови, а о строе.

Башкирское төркөм — группа, отряд, стая. Латинское greges — толпа, стадо, отряд. Древнегреческое gregorios — бодрствующий, страж. Все эти слова — одного корня, и корень этот означает не общность происхождения, а общность действия. Собранные вместе. Идущие в одном порядке. Стоящие плечом к плечу.

Төр — скручивать, свивать. Төрк — это свёрнутое, стянутое в узел. Воинский отряд и есть такой узел: люди, связанные клятвой, общим делом, общей судьбой. Они не обязательно говорили на одном языке. Они не обязательно были родственниками. Они были союзом, партией, орденом. Тюрками называли не тех, кто родился от тюрка, а тех, кто встал под знамя.

Вспомните латинское pars — часть, партия. Персы — это не народ, а партия. Арии — от арабского ауг — член, отряд. Арии — это члены союза, воины, связанные обетом. Урыс — по-башкирски «драчливый человек». Рус — это не этноним, а профессия: наёмник, воин, контрактник. Всё это — не названия племён, а названия структур. Когда структуры распадалась, имена оставались и превращались в этнонимы.

Гунны, арии, тюрки, русы — все они были отрядами, выходившими с Урала. Они несли не столько кровь, сколько порядок. Военный строй, клятву, иерархию. Из этих отрядов, как из свёрнутых нитей, сплеталось будущее.

Посмотрите на башкир. Башкорт — это не просто племя. Это «главный отряд», «начальный круг», «первая верёвка». Позже это слово стало этнонимом, но по сути оно по-прежнему означает строй, а не кровь. Башкир — это тот, кто держит строй. Тот, кто помнит, как стоять плечом к плечу.

Төрк и торак — одного корня. Торак — стоянка, остановка, жилище. Отряд останавливается на ночлег, разбивает лагерь, и лагерь этот называется торак. Потом стоянка становится городом, город — столицей, столица — империей. Но в основе всего — отряд, который однажды встал лагерем у подножия Урала.

Греки, пришедшие с севера, тоже были таким отрядом. Грек — от greges — толпа, отряд. Они пришли не как народ, а как войско. И стали народом только потом, когда осели и забыли, кем были.

Так тюрки, греки, персы, арии, русы — все они вышли из одного корня. Из отряда. Из свёрнутой верёвки, которую мы называем Уралом. Это не поэзия. Это этимология. Язык помнит то, что история забыла.

Глава 10. Арии, русы, башкорт

Мы уже говорили, что древние имена были не названиями народов, а названиями структур. Отряд, партия, союз, воинское братство. Теперь посмотрим на три имени, которые до сих пор будоражат умы: арии, русы, башкорт.

Арии. Официальная наука выводит это слово из индоевропейского корня со значением «благородный». Но у нас есть другой ключ. Арабское ауг — член, часть, отряд. Арии — это члены союза. Не благородные по крови, а включённые в братство. Вспомним, как строились древние общества: не по крови, а по клятве. Воин вступал в отряд, отрекался от рода и получал новое имя. Он становился арьем — членом. Позже, когда отряды разрослись и стали цар-

ствами, слово «арий» застыло как обозначение господствующего слоя. Но суть осталась: арии — это те, кто внутри круга.

Русы. В башкирском языке сохранилось слово урыҫ — драчливый человек, воин, наёмник. Китайцы, столкнувшись с тюркскими отрядами, именно так и поняли это слово: русский — драчливый человек. Рус — это не название славянского племени, а социальная роль. Призванный воин. Контрактник. Человек меча. В «Повести временных лет» варяги-русы приходят править, и летописец перечисляет их как отдельный народ: «сице бо звахуть ты варягы рус». Но русы — не народ. Это дружина, военная корпорация, которая дала имя государству. Потом этноним перешёл на всех подданных, и мы получили русских. Та же судьба у слова «башкорт».

Башкорт. Мы уже разбирали: баш — голова, начало, главный. Корт — круг, отряд, верёвка. Башкорт — это главный отряд, начальный круг. Так называли не всё племя, а его ядро, воинское братство, охранявшее границы и порядок. Потом это имя стало этнонимом, но в нём до сих пор слышится строй, а не кровь.

Эти три имени — арии, русы, башкорт — три ветви одного дерева. Все они вышли из одного корня: из представления о человеческом коллективе как о скрученной верёвке, о круге, о сплаве. Всё, что мы говорили о төркөм (отряд) и грех (толпа), применимо и к ним.

И вот что важно: эти имена не были этническими маркерами. Они обозначали отношение к делу. Арий — тот, кто вступил в союз. Рус — тот, кто взял меч. Башкорт — тот, кто держит круг. Со временем эти названия приросли к землям и народам, но в языке осталась память о первом смысле.

Когда мы сегодня говорим «арийцы», «русские», «башкиры», мы говорим о потомках отрядов, вышедших с Урала. Не о расах, не о чистой крови, а о союзах, которые стали народами. В этом их сила и их трагедия: сила — в сплочённости, трагедия — в забвении того, что сплочённость не в крови, а в круге.

Глава 11. Волчица и сирота.

Есть в древней истории сюжет, который повторяется с удивительным постоянством: младенец, брошенный на погибель, но спасённый зверем. Волчица вскармливает Ромула и Рема. Волчица спасает мальчика из рода Ашина. Агарь, простолюдинка, спасает Измаила в пустыне. Ключница рождает Владимира, будущего Красное Солнышко. Всё это — одна и та же история о сироте, который становится родоначальником.

В башкирском языке сирота — йетем. Слово это происходит от корня етә — достаток, полнота. Йетем — это не просто «лишённый родителей». Это самодостаточный. Тот, у кого всего вдоволь внутри. В древности сирота был не жертвой, а избранником. У него не было земного отца, значит, его отцом было само небо. Он приходил в мир, как приходит весна: ниоткуда, но с силой.

Легенда о тюрках Ашина говорит: враги перебили царский род, оставили в степи мальчика, и волчица выкормила его. От него произошло десять родов. У Измаила — двенадцать сыновей. У Владимира — ещё больше. Число родов растёт, как растёт племя. Волчица, выкормившая сироту, — это не просто зверь. Это сам народ. Простые люди, которые подбирают брошенного и дают ему силу.

Волк в башкирской традиции — корт. То же слово, что и в этнониме башкорт. Главный волк. Волчица — это мать-волчица, вскормившая основателя. Ашина — если убрать китайское уважительное «а», получится шина, волк. Гумилёв переводил «Ашина» как «благородный волк». Мы бы сказали: главный волк. Башкорт.

Сирота-родоначальник всегда рождается от простолюдинки и бога. Агарь — служанка. Ключница — простолюдинка. Мать-волчица — вне человеческого рода. Это и есть формула легитимности: не от знатной матери, а от самой земли. Земля рождает, волчица кормит, небо признаёт.

Иблис, которого мы разбирали, тоже из этого ряда. Ипле — умелый, учёный. Иблис — тот, кто знает. Он демонизирован, но корень его имени остался в слове «ипле» — мастер. Сирота, ставший мастером. Мастер, ставший изгнанником. Изгнанник, ставший символом.

Так что же такое сирота в нашей книге? Это каждый, кто помнит своё начало без отца. Каждый, кто сам себе родоначальник. Каждый, кто, оставшись один, не погиб, а вскормлен волчицей. Волчица — это память предков, которая не даёт умереть. Это язык, который мы всё ещё слышим, даже когда отцы молчат.

Глава 12. Хабиль и Каин: убийство связи

Сеть — это то, что связано. Само слово хранит эту память: славянское «сеть», древневерхненемецкое *seid* — «верёвка, петля», латышское *siet* — «вязать». Всё это — индоевропейские отголоски того, что в башкирском языке звучит как *үреү* — плести, скручивать, сплести воедино. И здесь же, в этом корне, прячется имя Урал — скрученная ось, сплетённый хребет, верёвка, связующая небо и землю.

В арабском языке верёвка — хабиль. И это не просто слово из словаря. Это имя. Имя младшего брата, убитого старшим. Хабиль — Авель — был той самой связью, тем канатом, который держал семью, род, мир. И когда Каин убил его, порвалась не просто нить жизни одного человека — порвалась связь между землёй и небом, между братьями, между прошлым и будущим. Убить Хабиля означало разрубить верёвку.

Но здесь мы должны копнуть глубже — туда, куда ведёт башкирский язык. Эүәл — прежние времена, прежние века, то, что заставляет обернуться назад. Корень здесь тот же, что в әу — отклик на зов, движение навстречу. И тот же корень в ау — сеть, сбор, собрание. Авель — это не просто канат. Это связь с прошлым. Это традиция, которая держит род, не даёт ему рассыпаться. Это то, за что мы цепляемся, чтобы не упасть в пустоту.

А что такое связь с прошлым, как не кровь? И здесь башкирский язык снова даёт нам ключ. Кан — кровь. Кана (хана) — кров, дом, здание. Канат — крыло, то, что накрывает, укрывает. Всё это — одно гнездо. В русском языке «кровь» и «кров» — тоже родственники, и оба восходят к башкирскому короу — накрывать, ставить навес. А в основе — кор: круг, род, собрание. Кровь — это не просто жидкость, текущая в жилах. Это принадлежность к кругу. К роду. К дому. Зов крови — это зов отчего крова. Кан тарта — тянет домой, тянет к своим.

И вот мы видим всю картину целиком. Авель-Хабиль — это верёвка, связь, традиция, кровь. Он — то, что держит род вместе. Каин, убивая его, разрывает эту связь. Он остаётся без крова, без круга, без прошлого. Он долго носит эту память с собой — память о том, что он сделал. А потом доверяет её земле. Вкладывает в неё, как семя. Чтобы поздние потомки, когда придёт срок, смогли докопаться до истины.

Библейский Сиф — это попытка восстановить порванное. Заменить Авеля. Вставить в генеалогию новое звено, не запятнанное убийством. И показательно, что имя этого нового звена — Seth — совпадает с именем египетского Сета, младшего брата, защитника, воина. Хабиль убит — но связь должна быть восстановлена. И её восстанавливают через Сифа-Сета, через «сеть», через «кровь», через «круг».

Но кто такой Каин, если смотреть на него глазами нашей книги? Он — тот, кто оторвался от круга. Он — интеллектуал, который поставил знание выше связи. Мы уже говорили об Иблисе. Иблис — от башкирского ипле — умелый, учёный, мастер. Иблис — это тот, кто знает. И Каин — тот же архетип: умелый земледелец, оседлый, расчётливый. Его жертва не была принята, потому что он принёс не то, что связывает, а то, что разделяет. Плоды земледелия — это то, что человек вырастил сам, отделившись от дикой природы. Плоды скотоводства — то, что дано свыше, что требует союза, стада, круга. Бог принял жертву Авеля, потому что Авель принёс связь, а Каин — отдельность.

И вот здесь появляется Сатана. Слово это не имеет надёжной этимологии в семитских языках. Но в башкирском есть сат — раздваиваться, разлучина, пах. Точка деления. Сатана

— это тот, кто разделяет. Кто разрывает связь. Иблис соблазнил душу — и душа разделилась. Рассудок и сердце, Урал и Шульген, правое и левое — они были едины, но стали двумя. Этот раскол и есть сатанинское действо.

Но у Сатаны есть и другое лицо. Вспомним Афины — богиню мудрости, чьё имя в микенских надписях звучит как ата-инэ — «предки». Афина — это знание, рождённое из головы. Это разум, оторвавшийся от тела. Сатана — это та же Афина, но демонизированная. Учёный, который стал изгоем. Глава, который был низложен. Его знание осталось, но само имя стало проклятием.

И наконец, самое глубокое. Джинн и ген — одного корня. Сатана — это призрак прошлых поколений. Голос предков, которые были демонизированы победившей династией. Он звучит в нашей крови. Он — наш собственный ген. Наша собственная память. Наше прошлое, которое мы боимся признать.

Мы с вами — те самые потомки, которые докопались. Мы — те, кто копает. Кто расчищает корни, спрятанные под слоями позднейших напластований. Кто ищет не славы, а связи.

Сеть. Верёвка. Хабиль. Эүэл. Кровь. Кров. Круг. Род. Одно. Всё — одно.

Глава 13. Урал и Шульген: яд и вакцина

Есть в башкирском эпосе два брата, две половины одного целого. Старший — Шульген. Младший — Урал. Мы привыкли делить их на добро и зло, но это слишком просто. Они — не враги. Они — две руки одного тела. Правая и левая.

Имя Шульгена происходит от башкирского һул — левый. А левая сторона — это сторона сердца. Не случайно в английском языке soul — душа — звучит почти так же, как башкирское «һул». Чередование s и h, знакомое всякому, кто изучал тюркские языки, соединяет эти слова в один корень. Шульген — это душа. Эмоция. Чувство. Страсть. Он не предатель. Он — та часть человека, которая любит, ненавидит, завидует, горит. «Я старше, я из огня», — говорит он, и в этих словах слышится Иблис. Но это не зло. Это жар, который не может быть холодным.

Урал — младший. Он — холодный рассудок, расчёт, стратегия. Он — правая рука, которая взвешивает и решает. Но рассудок без чувств — сух. Чувства без рассудка — разрушительны. Они должны были идти рука об руку, но разошлись. И мир раскололся.

В шумерской мифологии та же драма разыгрывается между братьями Энки и Энлилем. Энки — владыка воды, хозяин подземного океана, бог мудрости и хитрости. Его имя перекликается с башкирским эйә — владлец, владыка. Он — стихия воды, тот самый Шульген, владыка подводного царства. Энлиль — его брат, бог ветра, воздуха, бури. Ураган. Вьюга. Север. Холодный рассудок, сметающий всё на пути. Два брата, две стихии.

Теперь о родителях. Йәнбирде и Йәнбикә — отец и мать Урала и Шульгена. В эпосе сказано: они бежали на остров от великой войны, когда всё потонуло в крови. Не вода покрыла землю — кровь. Этот кровавый потоп и есть тот самый всемирный потоп, о котором говорят мифы. Библейский Ной — это Йәнбирде. Скандинавский Бергельмир, спасшийся от крови Имира, — тоже он. Эней, бежавший из горящей Трои, — он же. Все они — беглецы от хаоса, отцы нового начала.

Урал-батыр не просто герой. Он — первый врач. Вспомните его наказ: не пить стоячую воду. В стоячей воде размножаются бактерии. Урал знал это интуитивно. Он выпил отравленную воду из озера Шульгена — и погиб. Но его смерть стала доказательством. Это тот же эксперимент, который ставили на себе Луи Пастер, вводивший себе кровь прокажённых; Николай Гамалея, глотавший холерные бациллы; Барри Маршалл, выпивший культуру *Helicobacter pylori*. Все они рисковали собой, чтобы доказать правду. Урал — первый в этом ряду. Первый вирусолог. Первый микробиолог. Первый мученик науки.

Его смерть — не поражение. Это вакцинация. Он принял яд в себя, чтобы другие знали: стоячую воду пить нельзя. Он стал фильтром. Он стал горой. Тело его превратилось в Ураль-

ские горы, и из них забил источник — Йэншишмэ. Источник мудрости. Источник бессмертия, которое не в теле, а в детях и делах.

Шива, выпивающий яд при пахтании Океана, — это тот же Урал. Синее горло Шивы — это Уральские горы. Оба героя принимают в себя отраву, чтобы спасти мир. Оба становятся осю. Оба умирают и воскресают в потомках.

Шульген остался внизу. Он — вода, эмоция, подземный мир. Урал вознёсся вверх. Он — разум, закон, солнечный свет. Но они неразлучны. Душа без разума — хаос. Разум без души — мёртвый камень. И вся история человечества — это попытка соединить их снова.

Глава 14. Осирис и Сет: переворот

В башкирском эпосе Урал — младший брат. В древнем Египте младшего брата звали Сет. И это не случайное совпадение, а след одного и того же сюжета, разыгранного в разных декорациях.

Сначала Сет не был злом. Он был защитником. В древнейших египетских текстах Сет стоит на носу солнечной ладьи Ра и пронзает копьём змея Апопа, который каждую ночь пытается проглотить солнце. Сет — воин, страж порядка, покровитель царской власти. Его имя входит в титулы фараонов. Он — та самая правая рука, которая держит копье.

Осирис — старший брат. Он связан с Нилом, с водой, с плодородием. Он — владыка подземного мира, тот, кто даёт жизнь, но сам остаётся внизу. Это наш Шульген: вода, глубина, левая сторона. В изначальной картине оба брата необходимы. Вода и огонь, земля и небо, чувство и разум. Но потом что-то сломалось.

Произошла смена династий. Жрецы осирического культа возвысились, и им понадобилась новая легитимность. Старый защитник стал неудобен. Сета объявили врагом, изгнали из пантеона, превратили в демона пустыни. Его имя начали стирать с монументов. Осирис, который прежде был лишь одним из богов, стал главным богом мёртвых, а его сын Гор — символом новой царской власти. Так миф переписали.

Это не египетская особенность. Это технология. Самый знаменитый пример — пьеса Шекспира «Ричард Третий». Ричард III, последний король из династии Йорков, пал в битве при Босворте в 1485 году. Победитель, Генрих Тюдор, стал королём и основал новую династию. Ему нужно было доказать, что прежний король — чудовище. Шекспир, творивший при внушке Генриха VII, сделал из Ричарда горбатого, хромого, уродливого душой злодея. Историческая правда, скорее всего, была иной: уродство Ричарда не подтверждается, а его вина в убийстве принцев в Тауэре не доказана. Но Тюдорам нужен был монстр, и монстр был создан.

То же самое произошло с Сетом. Младший брат, защитник, воин, был превращён в воплощение зла, потому что новая династия нуждалась в оправдании. Осирис стал жертвой, а Сет — убийцей. Победитель пишет историю. Побеждённый становится демоном.

Библия сохранила след этой драмы. Когда Каин убивает Авеля, род человеческий оказывается под угрозой: все люди — потомки убийцы. Это невыносимо. И тогда вместо Авеля рождается Сиф — Seth. Тот самый Сет, младший брат, защитник, восстановитель связи. Библейский Сиф — это попытка реанимировать Авеля, вставить в генеалогию новое звено, не запятнанное братоубийством. Имя Сифа совпадает с именем египетского Сета и фонетически перекликается с «сетью» — тем, что связывает.

В нашей книге Сет — это Урал. Младший брат, который защищает Солнце. Осирис — Шульген, старший брат, владыка вод. Их египетская драма — это всё та же уральская трагедия: разум и душа разошлись, и победившая сторона переписала память.

Но язык не обманешь. В самом имени Сета, в имени Сифа, в слове «сеть» остался корень связи. И если сегодня мы знаем, что Сет был защитником, а не убийцей, значит, верёвка ещё не порвана. Значит, предки достучались..

Глава 15. Тюр и Один: рука и глаз

Северная мифология хранит ту же рану, что и башкирский эпос. Двое богов, две жертвы, две половины мира. Один отдал глаз. Другой отдал руку.

Тюр — древнейший бог договора. Его имя родственно нашему төр — скручивать, связывать. Тюр — это сама связь. Когда боги решили сковать чудовищного волка Фенрира, тот согласился надеть путы только при одном условии: пусть кто-нибудь из богов положит ему в пасть руку. Тюр положил. Волк был связан, а Тюр остался одноруким. Он пожертвовал рукой ради договора, ради порядка, ради того, чтобы хаос был скован. С тех пор правая рука его — в пасти у волка, но мир стоит.

Один — бог иной. Он пожертвовал глазом. Отдал его источнику мудрости, чтобы испытать из него. Один — шаман, поэт, бог вдохновения. Его имя в германской традиции — Вотан, Водан. В башкирском языке есть слово ватан — родина. Один и ватан — одного корня. Один — это дух родины, её память, её вещее знание. Он видит не то, что перед глазами, а то, что скрыто. Потому и глаз отдал: взамен получил второе зрение.

Две жертвы — два пути. Тюр отдал руку, чтобы мир был связан. Один отдал глаз, чтобы мир был понят. Один — жертва воина, другой — жертва жреца. В древности, как мы помним, в религиозном экстазе жрецы могли вырвать себе глаз и бросить его в огонь, а воины — отрезать руку. Это не безумие, а подражание богам. Каждая жертва делала человека ближе к его роли.

В нашей системе Тюр — это Урал. Правая рука. Закон. Связь. Один — это Шульген в его высшем, шаманском аспекте. Душа, которая ищет знания любой ценой. Но если Шульген в эпосе ушёл вниз, к воде, то Один остался наверху, став всеотцом. Он вобрал в себя обе половины: и руку Тюра, и свой глаз. Потому Один и стал главой пантеона, что соединил в себе жертву воина и жертву провидца.

Тот же раскол мы видели в Египте, в Шумере, в Библии. Везде двое: один держит, другой видит. Один связывает, другой постигает. И пока они вместе, мир цел. Когда они расходятся, начинается хаос.

Северные боги не умерли. Они ушли в слова. Тюр — в тюрков, в төр, в трос. Один — в ватан, в родину, в дыхание. И если сегодня мы понимаем, что рука и глаз — не соперники, а соработники, значит, верёвка, которую Тюр сжимал одной рукой, всё ещё в наших руках.

Глава 16. Инд и Итиль: смешанные воды

Есть реки, которые текут по земле. А есть реки, которые текут по языку. Инд и Итиль — из таких. Одна до сих пор бежит по карте, другую мы знаем как Волгу. Но в именах их течёт одна и та же вода — смешанная, взбитая, плотная. И это не поэзия, а этимология.

Волга по-башкирски — Изел. Древние называли её Итиль, Атиль. Имя это не переводится как «большая вода», хотя так часто пишут в учебниках. В тюркских языках нет такого значения. Изел восходит к корню из — мять, месить, смешивать. Изел — это смешанная река. Река, вбирающая в себя сотни притоков, талые снега, дожди, ручьи. Всё это стекается в одно русло, месится, взбивается, становится плотным потоком. Изел — это не вода вообще. Это вода-смесь. Вода-тесто.

Теперь посмотрите на Инд. Имя этой реки тоже не имеет ясной этимологии в индоевропейских языках. Но если убрать назализацию, мы получим корень из. Тот же. Инд — это тоже смешанные воды. Река, рождённая слиянием множества потоков, несущая в себе всё, что в неё попало. Инд и Изел — это одна река, разделённая временем и пространством, но соединённая в языке.

Назализация — это добавление носового звука. В башкирском языке есть прекрасный пример: инде — уже, свершилось. В английском indeed — действительно, в самом деле. Оба слова восходят к идее завершённости, плотности, чего-то, что стало. Инд и Итиль — это «ставшие» реки. Свершившиеся. Плотные.

И здесь появляется ещё одно слово. Болғау — по-башкирски смешивать, мутить. От него — Волга. В русском языке Волга — это муть, взбитая вода. Вульгарный — от латинского vulgus

— толпа, простонародье. Это тоже смесь, только человеческая. Вульгарный — это смешанный, неразделённый, простой. Так вода и люди оказываются одним и тем же: смешанное, множественное, плотное.

Индия — страна, названная по реке Инд. И эта страна, сама того не помня, носит в своём имени корень смешения. Но есть и другое имя. С придыхательной — *Һинд*. В башкирском *һиз* — чувствовать, чутый. Индия — это не просто смешанная земля. Это земля, которая чувствует. Земля, которая помнит запах и вкус воды.

Вернёмся на Урал. Река Ағизел — Белая. Но *ак* — это не только белый. Это чистый, проточный. Аға — течёт. Ағизел — текущая вода. Та самая, которую Урал-батыр велел пить. Не стоячую, а текущую. Смешанную движением, а не застоем.

И вот ещё что. Итиль, Волга, Инд — все они текут. Течение — это жизнь. Стоячая вода — смерть. Урал-батыр знал это. И мы, вслед за ним, можем повторить: пейте текущую воду. Пейте воду, которая смешивается, движется, живёт.

Вода, которая смешивает, и есть та самая сеть. Реки — это нити. Итиль и Инд — две нити одного корня. Они связывают Урал с Индией, север с югом, прошлое с настоящим. И пока текут реки, течёт память. Изел течёт. Изел смешивает. Изел помнит.

Глава 17. Васуки и мутовка

Есть в индийской мифологии образ, который стоит в самом её сердце. Боги и демоны, забыв вражду, пахтают Молочный океан, чтобы добыть амриту — напиток бессмертия. Мутовкой им служит гора Мандара, верёвкой — змей Васуки, обвивший гору кольцами. Они тянут за голову и за хвост, взбивают океан, и из него рождаются сокровища, яды и, наконец, сама амрита.

Вслушайтесь в эти имена. Васуки — змей, ставший верёвкой. Гора — ось, вокруг которой вращается мир. Океан — молоко, из которого всё выходит. Мутовка, взбивание, верёвка, ось — это всё наш уральский корень. В английском языке сохранилось слово *whorl* — завиток, вихрь, вращение, блок веретена. В башкирском *урау* — мотать, обвивать. *Үреу* — плести, скручивать. Урал — это и есть та самая мутовка, ось, вокруг которой скручивается мир. Васуки — это тот же трос, та же верёвка, которую мы уже встречали в имени Хабиля, в имени Сета, в слове «сеть».

Гора Мандара — это не просто гора. Это лингам, фаллос, поставленный в йони. Океан — это лоно, женское начало, молоко, из которого рождается жизнь. Пахтание — это половой акт, соединение двух начал. И амрита, добытая из этого соединения, — это не напиток, а семя, жизнь, ребёнок. Бессмертие не в жидкости, а в продолжении рода.

В башкирском языке есть слово *һауым* — дойка. *Һаума* — то, что выдоили, выжали. Сомы, амрита — это не растение, не гриб, а молоко. Кумыс из кобыльего молока, древнейший священный напиток степняков. Осенью кобылье молоко густое, кислое, пьянящее. Оно даёт то самое состояние, о котором поёт Ригведа: «Мы пили сому и стали бессмертными. Мы обрели свет, открытый богами». Сомы — это кумыс. Это молоко матери-земли, выжатое, взбитое, ставшее светом.

Шива, выпивающий яд при этом пахтании, — это Урал-батыр, выпивающий отравленную воду. Яд — это стоячая вода, смерть. Шива принимает его в себя, и горло его синеет. Урал принимает отраву и умирает, а тело его становится горами. Оба они — врачи, поставившие опыт на себе. Оба они — жертва, которая спасает мир.

И вот здесь появляется йога. Башкирское *йоға* — заражает, липнет. Йога — это не просто гимнастика. Это заражение благом, прилипание к истине. Йог стремится не просто коснуться божественного, а «заразиться» им, чтобы оно стало его природой. Это то самое «прилипание», которое мы видим в пахтании: гора и змей, ось и верёвка, мужское и женское — они должны прилипнуть друг к другу, чтобы родилась жизнь.

Генетики подтвердили: у башкир и индийских брахманов общая Y-хромосома. Общий предок. Общий язык. Значит, и мифы их — не заимствование, а общее наследство. Васуки, Урал, пахтание, кумыс, йога — всё это нити одной сети, которая тянется с Урала до Индии.

Мы все участвуем в этом пахтании. Каждый из нас — гора, ось, мутовка. Каждый из нас — змей, верёвка, связь. И когда мы соединяем разрозненные нити знания, мы взбиваем океан. Из него поднимается яд — и мы должны выпить его, как Шива, как Урал. И тогда из глубины поднимется амрита — не напиток бессмертия, а мудрость, которая остаётся после нас.

Вот что такое Васуки и мутовка. Это не индийский миф. Это наша общая память о том, как мир был скручен воедино и как он до сих пор взбивается в каждом из нас.

Глава 18. Йога-йога: заражение благом

Есть слова, которые расходятся по миру, как круги по воде, и в каждом языке приобретают новую глубину. Одно из таких слов — йога. Мы привыкли к нему как к названию восточной практики: дыхание, позы, сосредоточение. Но в башкирском языке живёт его близнец — йога. Йога — заражает, липнет.

Йога — это заражение благом. Прилипание к истине. Практикующий йогу стремится не просто выполнить упражнения, а впитать в себя состояние, к которому тянется. Он хочет заразиться спокойствием, мудростью, светом. Йога — это не дистанция, а прилипание. Человек входит в контакт с тем, что больше него, и это большее пристаёт к нему, как заразная болезнь, как запах, как память.

Мы уже говорили: в башкирском языке еҫ — запах, иҫ — память, еҙ — сплав, из — смешивать. Йога — из этого же корня. Зараза — это смешение. Когда одно прилипает к другому, они смешиваются и становятся одним. Йог прилипает к божественному, смешивается с ним, и божественное начинает жить в нём. Это не учение о позах. Это учение о заражении светом.

Индийская традиция сохранила это понимание, но утратила его корень. Башкирский язык сохранил корень, но потерял практику. Вместе они восстанавливают целое: йога — это йога, заражение благом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.